

НА ПУТИ К НАУЧНОЙ СТАНЦИИ

Рассказывая о результатах своей работы на Байкале, Б. Дыбовский в 1901 году писал:

«Доказавши самым очевидным образом несостоятельность прежних мнений о бедности байкальской фауны и убедившись в неисчерпаемости её богатства, требующей труда многих поколений для её исследования, мы старались также показать, что наиболее соответствующим местом для устройства опытной биологической станции, имеющей неопределимое значение для различных научных исследований, является именно Байкал. Поэтому мы полагали, что наиболее удобным пунктом для учреждения университета в Сибири, если бы предполагалось таковой открыть, был бы Иркутск. Здесь открывается широкое поле для исследований, как геологов, так и биологов. Этот край, лежащий по соседству с Забайкальем, с его способным, энергичным коренным населением – вполне заслуживает учреждения здесь высшего учебного заведения».

В научном мире назревало понимание, что на Байкале необходимо постоянно действующее учреждение – биологическая станция. Экспедиции экспедициями, но станция с собственным коллективом учёных дала бы несравненно больше знаний о природе Байкала, чем эпизодические наезды исследователей на его берега. Ясно было и то, что станция должна быть государственной, получать от государства финансовую поддержку, иначе её век окажется недолгим. Пример был налицо – в посёлке Большое Голоустное в 1899 году была открыта биологическая станция, на которой работал будущий доцент Казанского университета В.П. Гаряев. Существовала она на частные пожертвования и через два года закрылась, когда пожертвования иссякли.

Но в начале XX века о подобном государственном научном учреждении в далёкой Сибири можно было только мечтать. Существовавшая тогда власть не прониклась ещё пониманием значения науки для будущего России, и выделяемые на неё суммы были более чем скромными.

Но открытия Дыбовского уже значили немало. У учёных были все основания ходатайствовать об организации новой экспедиции для продолжения исследований байкальской фауны. И такая экспедиция состоялась.

Три года (1900, 1901, 1902) работал на Байкале отряд под руководством А.А. Коротнева, профессора Киевского университета Святого Владимира. В первый год она занималась сбором материалов в основном на Южном Байкале; самыми северными посещёнными ею пунктами были губа Заворотная, Ушканьи острова и Чивыркуйский

залив. Огромную помощь экспедиции Коротнева оказал полковник Ф.К. Дриженко, начальник другой экспедиции – гидрографической. Гидрографы занимались подробными измерениями глубин Байкала и составлением его лоции. (До сих пор многие байкальские капитаны пользуются подробнейшим атласом Дриженко, выпущенным в свет ещё в 1906 г.).

В распоряжении у Дриженко был пароход «Иннокентий», развозивший партии его экспедиции по местам работы, доставлявший им продукты. На борт этого судна регулярно прихватывали биологов во главе с Коротневым и перевозили с одного места дислокации лагеря на другое. Но сам пароход не был оборудован для гидробиологических работ. Большие глубины Байкала остались недоступными для исследования.

Тем не менее, собранный материал оказался очень интересным. Коротнев, возвратясь в Киев, постарался как можно скорее предоставить собранных животных специалистам – людям, лучше всего знающим какую-либо группу фауны. Были в результате открыты новые виды планарий, малощетинковых червей, бокоплавов, губок. Подробно он рассказывает о добытой ими гигантской планарии длиной почти в 8 см, получившей название римацефалюс. Коротневу не давало покоя странное обстоятельство: одни группы животных представлены в Байкале очень большим количеством видов (такие, как те же гаммарусы), а другие – лишь одним или несколькими видами (многощетинковые черви, мшанки, равноногие рачки – водяные ослики). Он предположил, что в истории Байкала совершилась какая-то резкая перемена условий существования, в результате которой одни формы организмов получили наибольшее развитие, а другие – вымерли или сохранились в небольшом количестве видов.

Коротнев определил некоторых собранных в экспедиции животных как морских по происхождению (как оказалось позже, были допущены несколько ошибок), да и в целом, вслед за Дыбовским, поражался «морскому облику» байкальской фауны. В этой связи он вновь воскресил старое предположение Гумбольдта о существовавшей некогда связи Байкала с Ледовитым океаном.

В следующий год экспедиция Коротнева имела уже больше возможностей для работы. Как он писал в отчёте, он встретил на месте большое желание помочь научным изысканиям. Ему много раз предоставляли для поездок по югу озера небольшой пароход «Бард», разрешали использовать для сбора материала водолазов, работавших на строительстве причальных сооружений, а старый добрый знакомый Ф.К.Дриженко гостеприимно приглашал на борт парохода «Иннокентий», на котором экспедиция объездила и север озера.

Были произведены первые попытки глубоководных драгировок с борта парохода. Но ряд обстоятельств делали это занятие непоправимой растратой времени. Во-первых, лебёдка для троса была только ручной, и требовались часы, чтобы поднять драгу с глубины в несколько сотен метров. Во-вторых, на судах тогда ещё не было эхолотов, и драгу кидали наугад, не зная, идёт ли она по дну или просто плывёт за пароходом в толще вод. Полдня нелёгких трудов – и вздох разочарования, когда поднятая на борт драга оказывалась совершенно пустой. Наконец, фирма, которой был заказан трос для тяжёлой драги, обманула Коротнёва и вместо пятимиллиметрового витого стального каната прислала двухмиллиметровый пучок проволоки. В итоге работать с большой драгой было нельзя; на таком тросе можно было запускать лишь небольшую дражку, а также собирать планктон.

И всё же даже крайне скудные сборы с больших глубин показали, что в Байкале, как и в морях, есть особые глубоководные организмы! Так, были пойманы водяные ослики с очень длинными ногами и усиками. Некоторая часть глубоководных сборов сделана была с помощью ловушек – таких, какими пользовался Дыбовский.

Третий год работы экспедиции принёс намного больше глубоководной фауны.

По итогам экспедиции Коротнев публиковал отчёты, написанные живым и понятным языком, безо всякой излишней наукообразности, с лирическими отступлениями. Север Байкала, где только в июне расходились льды и было очень холодно, он сравнивал со Шпицбергом. Добрым словом поминает незабываемые дни пребывания экспедиции на Ушканьих островах, в отрыве от всякого жилья. Остро ставит вопрос о том, что рыбный промысел на озере ведётся хищнически (вылавливается преобладающая часть идущего на нерест в реки омуля), и что нужны жёсткие мероприятия для его регулирования. Безжалостно обличает бизнесменов-рыбопромышленников, за мизерную плату нещадно эксплуатирующих сезонных рабочих, и имеющих при этом огромные барыши от продажи рыбы. Описывает явление, которое мы называем несмешиваемостью фаун – показывает, что население прибрежных озёр и соров совсем не такое, как в открытом Байкале.

И ещё долгие годы выходили из печати книги и статьи, где содержались результаты обработки материалов этой экспедиции. К примеру, капитальный труд киевского профессора В.К.Совинского, посвящённый описанию байкальских бокоплавов, увидел свет только в 1915 году. И состоял он из толстого основного тома и дополнительного, содержащего более 30 листов с подробнейшими рисунками, иллюстрирующими строение различных частей тела рачков и их отличия друг от друга.

После публикации настолько содержательных результатов экспедиции Коротнева необходимость проведения систематических, планомерных и хорошо организованных исследований Байкала стала очевидной. И вот в 1916 году при Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге была учреждена специальная «Комиссия по изучению озера Байкала» (КИБ), которую возглавил академик Н.В.Насонов. В комиссию вошли как уже известные и авторитетные учёные (Л.С.Берг, В.А.Обручев, А.Н.Северцов и др.), так и молодые энтузиасты, горевшие желанием изучать далёкое сибирское море (В.Ч.Дорогостайский, Г.Ю.Верещагин).

И те, и другие, будучи настоящими патриотами своей Родины – России – прекрасно понимали, что будет значить для неё изучение Байкала. Это был вопрос нашего первенства (или приоритета, как сейчас говорят) во многих научных областях. «Исследование Байкала представляет национальную задачу русских учёных. Мы должны знать Байкал не хуже, чем швейцарцы своё Женевское озеро», – писали инициаторы создания Байкальской комиссии в служебной записке, поданной на заседание физико-математического отделения Академии наук.

В этой связи нельзя не упомянуть подробнее о человеке, который сыграл одну из ключевых ролей в становлении дальнейших исследований Байкала, но имя которого незаслуженно было «сдвинуто на обочину». Это Виталий Чеславович Дорогостайский, сын ссыльного поляка, детство которого прошло в Иркутске, совсем недалеко от Байкала. Жизнь его была полна трудностей и крутых изломов, да и окончилась бесславно: учёный был репрессирован в 1938 году по злому доносу кого-то из своих «коллег», которому было дано от природы амбиций больше, чем таланта. И всё же, спустя десятилетия, мы должны признать, что имя Виталия Чеславовича навсегда вписано в историю байкаловедения как создателя постоянной научной станции и первого исследовательского судна.

Учиться Дорогостайскому довелось в Московском университете, но с неожиданным перерывом. За участие в политических выступлениях студентов он был отчислен, но не бросил начатую научную работу. Виталий возвращается в Иркутск, работает на Байкале, собирает интереснейший материал по водорослям и гаммаридам; затем его восстанавливают в университете, где он обрабатывает все эти сборы и публикует свои первые научные статьи. И ещё несколько раз потом бывает на Байкале, путешествуя вдоль его берегов на вёсельной лодке.

А ещё имело значение то, что Дорогостайский был знаком с видными иркутскими купцами и промышленниками. И умел убедить их в необходимости сделать пожертвования на нужды науки. Так, после переговоров с известным и очень богатым купцом Второвым,

содержавшим в Иркутске крупнейшие по тем временам магазины, богатч решил пожертвовать на исследования Байкала 16 тысяч рублей, в том числе 12 тысяч – на постройку катера и 4 тысячи – на научную станцию.

В то далёкое, дореволюционное время это были очень большие деньги. Они и стали той материальной основой, с которой и начала свою деятельность упомянутая Байкальская комиссия. В её задачи входило дальнейшее всестороннее исследование Байкала, а также выбор места на его берегу для организации постоянно действующей станции.

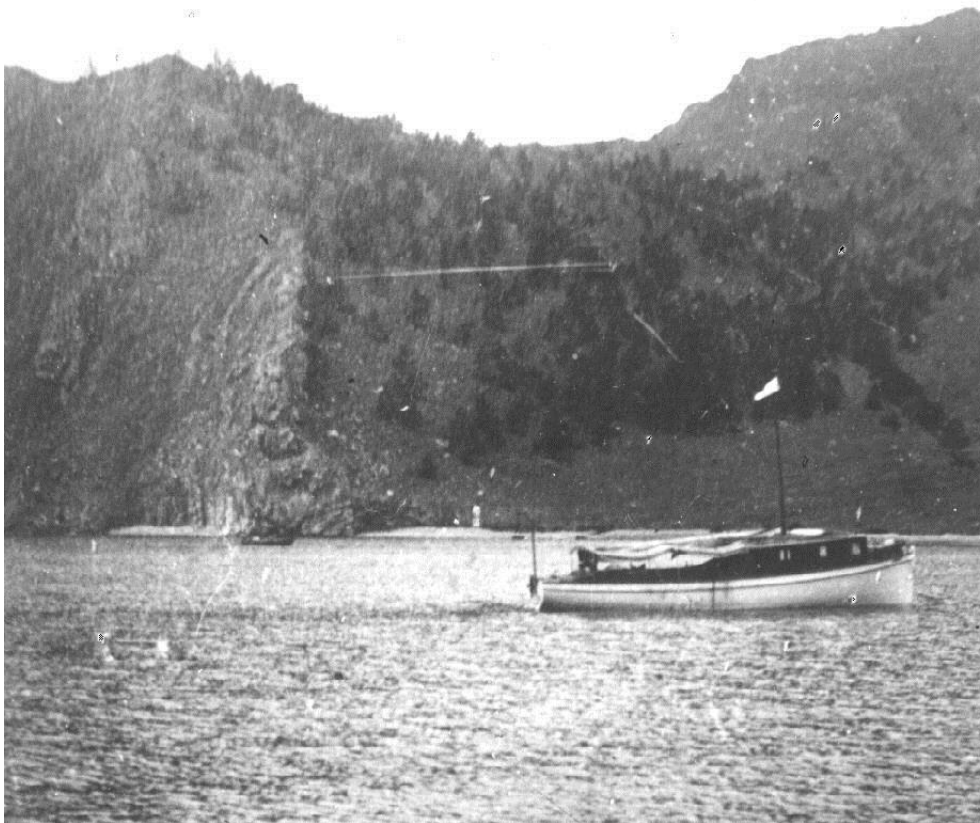
В том же 1916 году Дорогостайский вновь выезжает на Байкал и следит за строительством катера. Он сам был автором чертежа этого небольшого моторно-парусного судна, сам вёл переписку по поводу поставок разного рода судового оборудования. И уже к середине лета катер был готов к выходу в море.

Впрочем, Виталий Чеславович не ждал этого дня, сложа руки. Вместе со своими помощниками он начал работы на вёсельной лодке. А всего их было в то лето четверо, в том числе Г.Ю.Верещагин, ещё пока в должности младшего научного сотрудника.

И вот, наконец, впервые в истории специально оборудованное научное судно отправляется в свой первый рейс по Байкалу. Небольшое, – всего 9 метров в длину. Была на нём лебёдка с тросом - правда, ручная, не механическая, так что очень нелегко было поднимать какой-нибудь прибор, спущенный на глубину в сотни метров. Была там единственная каюта, служившая одновременно и жилым помещением, и научной лабораторией, и кают-компанией, где вечерами научные работники и мотористы дружно пили чаёк. И была у членов экспедиции несказанная радость успеху своего предприятия.

Назывался катер «Чайка». В честь красавицы-птицы, реющей над крутыми байкальскими волнами. Первый свой научный рейс «Чайка» совершила в район Малого моря. Несмотря на ряд досадных неприятностей (таких, как отказ мотора), биологический материал был успешно собран.

По возвращении экспедиции в Петербург на заседаниях Комиссии по изучению Байкала завязалась горячая дискуссия о том, где должна будет располагаться научно-исследовательская станция. Дорогостайский считал, что наилучшим местом была бы деревушка Большие Коты, что стоит на западном берегу озера в восемнадцати километрах от Листвянки, то есть недалеко от истока Ангары и от железной дороги (которая в то время от Иркутска как раз выходила к истоку). Бухта, на берегу которой расположен посёлок, обширная и с довольно большой прибрежной отмелью, что гораздо лучше подходит для изучения населения дна и толщи вод, чем участок с крутым свалом глубин, начинающимся близко от берега.

«Чайка» вышла в экспедицию. Фото из архива Е.В. Дорогостайской

Современное здание Байкальской биологической станции в Больших Котах.

Фото В.В. Тахтеева

И ещё одно важное обстоятельство: ещё один купец и промышленник, известный благотворитель Сибиряков, династия которого имела в своё время в Котах бумажную фабрику и стекольный завод, готов был предоставить здание своей конторы для научной станции. Верещагин по каким-то причинам категорически настаивал на обустройстве станции на далёком и необжитом полуострове Святой Нос.

Спор двух исследователей решила сама жизнь с её бурными, драматическими событиями, ворвавшимися в нашу историю.

Байкальская комиссия предполагала, что экспедиционные работы на «Чайке» непременно продолжатся и в следующем, 1917 году. Но после свержения монархии, к весне и, особенно к лету, экономические трудности стали нарастать снежным комом, и ожидавшуюся экспедицию Академии наук пришлось отменить, а вопрос о станции – отложить до лучших времён.

И тем не менее, даже в этом смутном году, когда было ясно, что вся страна в возрастающем темпе продолжает катиться к своему краху, и не было ясно, когда и чем закончится этот период безвременья со

Временным правительством во главе, Дорогостайский отправился-таки на Байкал, где вместе с тремя сотрудниками Московского университета провёл вторую экспедицию на «Чайке»!

А впереди преданного своему делу исследователя ждала новая, почти непрерывная серия испытаний. Осенью свершилась Октябрьская революция, и вскоре началась гражданская война. Сибирь оказалась отрезанной от европейской России. Не ходили поезда, не работала почта. Катер остался очень далеко, на Байкале, и трудно было предугадать, что с ним будет дальше.

Мысли о катере и будущей биологической станции не давали Виталию Чеславовичу покоя. Из Москвы он отправился в Омск, ещё до того, как этот город оказался в руках белых, где принял участие в организации сельскохозяйственного института и стал одним из его первых профессоров. А война в середине 1918 года шла как раз в районе Байкала. Катер был реквизирован и использовался для своих нужд сначала красными, а потом белыми.

Беспокойство о судьбе судна привело Дорогостайского к белогвардейцам с просьбой о помощи. С ними он военным эшелоном выехал в Иркутск, обязавшись выполнять поручения «белых» военачальников. Другой возможности пробиться к Байкалу практически не было.

Дорогостайский не воевал с оружием в руках. Напротив, он стремился делать всё возможное, чтобы предотвращать расправы и самосуды, бывшие обычными в то горячее время. Ездил в Тункинскую долину, закупал продовольствие для армии и для населения Иркутска, улаживал конфликт рабочих Байкальской переправы с властями, грозивший обернуться расстрелом, спасал красных военнопленных от их убийства конвоирами... Пришлось иметь дело, по его собственному признанию, и с откровенными негодяями, бывшими в белой армии. Но цель была достигнута: «Чайка», изрядно потрепанная, ему была возвращена.

Осенью, после завершения этой эпопеи, профессор вернулся в Омск и распрощался с колчаковской армией. А в Иркутске в это же время был, наконец, открыт первый в Восточной Сибири университет. Сбылась давняя мечта Дыбовского и многих других образованных людей.

В следующем, 1919 году Виталий Чеславович перебрался в Иркутск, где вместе с другими приглашёнными учёными принял участие в организации нового, физико-математического факультета университета, на котором начали преподавание биологии. А также стали проводить первые научные исследования на базе дома Сибирякова в Котах.

Так открылась Байкальская биологическая станция. Спор между Дорогостайским и Верещагиным о том, где ей быть, решился явочным порядком – благодаря невероятным усилиям Виталия Чеславовича.

Черета трудностей не прекращалась. Холодное, голодное время. Безденежье. Непрерывающиеся грабежи в Иркутске. Катер постоянно реквизировался (попросту говоря, отбирался на неопределённое время) для нужд самых разных ведомств. Возвращался после этого в непригодном для экспедиций состоянии – разбитый, с испорченным мотором. Денег на ремонт у университета не было, и Дорогостайскому постоянно приходилось тратить на него свои крайне скудные личные средства. И так несколько лет подряд.

Ему удалось совершить почти невозможное: сохранить катер и здание конторы Сибирякова в Котах до того времени, когда война закончилась, и жизнь понемногу стала налаживаться. Основать ещё при этом звероводческий питомник в тех же Котах и стать первым заведующим кафедрой зоологии позвоночных животных, созданной им в университете. Провёл экспедицию на север Байкала, на озеро Фролиха. Организовал на биостанции исследования байкальского планктона.

А ещё опубликовал одну из лучших печатных работ в своей жизни. Вышла она в 1923 году и называлась «Вертикальное и горизонтальное распределение фауны оз. Байкал». В этой статье он обобщил все имевшиеся к тому времени данные о местах встречаемости байкальских животных и выделил в пределах озера и истокового участка Ангары семь провинций, каждая из которых характеризуется своеобразием фауны и наличием местных (локальных) эндемичных видов.

С той поры несколько специалистов делали попытки провести зоогеографическое районирование Байкала. Но для этих попыток привлекались только одна или две группы животных. Схема же Дорогостайского является и по сей день наиболее удачной, так как построена она с учётом данных по самым различным донным организмам. Как бы хотелось переиздать эту статью сейчас, чтобы служила отправной точкой для современных молодых исследователей, изучающих распределение животных в котловине озера, и была бы доступна для всех желающих!

В 1924 году секретарём КИБ стал энергичный, деятельный молодой учёный Г.Ю.Верещагин. Довольно быстро решился вопрос об организации в 1925 году Байкальской экспедиции Академии наук. На следующий год Верещагин со своей «командой» уже приехал на Байкал, где Дорогостайский передал ему подготовленную к работе «Чайку» и часть другого имущества станции, которая сама осталась в ведении

университета. И это было правильным, поскольку катер был построен на средства, пожертвованные в своё время именно Академии.

А в университете и на его биостанции впоследствии долгие годы исследования Байкала проводились под руководством профессора М.М.Кожова, который был в своё время аспирантом В.Ч.Дорогостайского и дошёл в своём научном росте до признания в качестве одного из лучших знатоков биологии Байкала.

Если Вы приедете в Большие Коты, пройдитесь по берегу Байкала вдоль этого старого, много повидавшего посёлка. Вы увидите музей, посвящённый байкальской фауне и флоре; аквариумную лабораторию, в которой и зимой, и летом поддерживается одна и та же температура – около 12-13 градусов; базу студенческой практики со столовой на открытом воздухе, имеющей забавное название «Прожорливый гаммарус». Здесь же, у берега, стоит главный корпус биостанции, деревянный, с высокой крышей и белыми оконными наличниками. А чуть поодаль от него – побуревший от времени дом с растущим во дворе кедром. Этот дом и есть бывшая контора купца Сибирякова, а затем – первое помещение, где размещалась биостанция и одновременно жили сотрудники. Стоит и поныне это добротное построенное в середине XIX века здание, только веранду к нему пристроили.

Преподаватель кафедры зоологии беспозвоночных Г.Л.Окунева рассказывала, что она, работая в своё время на биостанции, жила в этом доме. Как-то в нём разбирали старую печку, и нашли в ней замурованную бутылку вина, изготовленную больше ста лет назад. Была она совершенно целая. Интересно, кто и для чего её туда спрятал?

Старый дом хранит свои тайны, хранит память о многих людях, кому довелось работать в его стенах. Прямо напротив него, как и десятилетия, и столетие назад, Байкал катит на берег свои упругие волны. И в Больших Котах по-прежнему начинается путь к познанию Байкала для многих молодых исследователей, приезжающих на биостанцию ещё студентами.